

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России.

Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

фото: krugosvet.ru

(продолжение, начало в №№ 100-106)

В силу этих причин (впрочем, не только) перестройка страдала от упрощенно-розового взгляда на вещи, особенно в том, что касается перспектив реформ, незнания степени заинтересованности масс, их готовности поддержать реформы практически. Как в тайге, верхушки деревьев скрипели от ветра, а внизу стояла гнетущая тишина. Порой перестройка совершала действия, которые сегодня, задним числом, просто трудно объяснить, подчас пыталась проломить бетонную стену, не замечая настежь открытой двери.

Нередко приходится слышать, что мы, реформаторы первой волны, были слишком наивны. В чем-то — безусловно. Но наша наивность — во многом и наивность общественного сознания, наивность интеллигенции в целом. Наш путь к познанию и прозрению — это путь всей страны, которая в абсолютном своем большинстве еще совсем недавно была крестьянской, да к тому же крепостнической, феодальной. В той или иной мере все общество должно было пройти этим трудным путем, чтобы обрести способность свободно мыслить, сбросить шоры с глаз и реально оценивать быстро меняющуюся обстановку.

Рассуждая умозрительно, сверхцентрализованная узбюрократенная система, намеренно лишенная обратных связей и настроенная на неограниченную эксплуатацию человека, которую мы так долго именовали «социализмом», все же могла быть частично реформирована. Но при условии ее как бы согласия на рассудочный, рациональный, прагматический подход к преобразованиям, если бы система в целом, все ее главные подсистемы на деле поступились бы хоть чем-то в пользу человека и здравого смысла.

Но именно этого и не произошло, да и не могло произойти. Система отвергала любое реформирование, а поэтому рухнула, не выдержав естественного исторического отбора.

Да, иллюзии на старте перестройки были, и немалые. Наверное, в жизни вообще нет людей, свободных от иллюзий. Эти иллюзии как раз и питались убеждением, что систему можно реформировать, не прибегая к ее слоу.

Рациональное течение событий могло бы разрушить какие-то из них. Но ожесточенное сопротивление партийного и военного аппарата перечеркнуло подобный сценарий изначально и в корне. Оно, это сопротивление, подрывало реальный опыт Реформации, деформировало его. Таковы неизбежные издержки эволюционной смены общественного уклада.

Закономерным итогом суеты в делах и смятения в умах стало размытие притягательности позиций политического центра и, напротив, формирование мощных политико-психологических предпосылок всяческого экстремизма. Процессы общественной поляризации начали обретать опасные масштабы, чем и воспользовалось руководство КПСС, организовав августовский мятеж 1991 года.

Вспомним, что предшествовало августовским событиям. К началу 1990 года

силы демократии не смогли самоорганизоваться, преодолеть внутренние разногласия, выработать сбалансированную программу действий. Нарастала неуверенность президентской власти.

В этой обстановке реакция перешла к тактике агрессивного противодействия преобразованиям.

Дополнительным сигналом для нее послужило, я убежден, удушение программы «500 дней». Демократия смирилась с поражением. Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Именно этот просчет открыл путь январскому (1991 года) вооруженному выступлению реакции в Вильнюсе, затем в Риге и к генеральной репетиции путча — военно-большевистской демонстрации в Москве 28 марта того же года. Из той же колоды — обсуждение на Пленуме в апреле 1991 года вопроса о снятии Михаила Горбачева с поста Генсека партии, что символизировало открытый разрыв «реакционно-обновленного» руководства партии с политикой преобразований.

Августовская (1991 года) попытка государственного переворота, поправ эволюционное развитие реформ, в то же время ускорила переход к кардинальным реформам. Возможно, что объективно они были несколько преждевременными, хотя стагнация в социально-экономическом развитии в доавгустовский период таила немалую угрозу реставрации.

Первые сравнительно легкие победы вскружили демократам голову. Их поразило зазнайство, за которым последовало политическое разгильдяйство.

Без действительной экономической свободы, суверенитета собственности и личности нам не вырваться из плена власти, объективно тяготеющей к авторитаризму, из плена эгоизма и коррупции, кто бы персонально или по партийной принадлежности ни оказался у руля ледокола.

Потому и демократизация получается у нас деформированной, легко допускающей спекуляции и на ней самой, и на конкретной социально-комической обстановке в целом. Потому фактическое положение человека мало изменилось. Потому и новая бюрократия столь же равнодушна к людям, как и прежняя.

Человек до сих пор бессилен перед государством: юридически, политически, экономически, да и просто в повседневной жизни. Бессилен в любой ситуации. Человек и государство — несоизмеримые силовые величины: как песчинка и гора, капля и море, как вздох и ураган. На высокомерие, некомпетентность, равнодушие — а по большому счету, на бессовестность власти человек отвечает тем же самым. Иного и ожидать бессмысленно.

При всех благотворных переменах последних лет все же нельзя обманывать себя: подлинной и прочной демократии у нас пока не состоялось. Более того, итоги парламентских выборов последних лет уже отрицательно сказываются на процессах демократических реформ.

Время после августа 1991 года — время

упущенных возможностей во многих отношениях. Это касается, прежде всего, политической сферы. Не была осуждена всенародным референдумом большевистская идеология и политика. Путчисты остались безнаказанными. Не подвергся кардинальной реорганизации и государственный аппарат.

Драма нашей демократии в том, что она никак не может создать себе опору в главном — в работающих экономических свободах. Послеавгустовские попытки новой экономической политики, верные по замыслу, были проведены второпях. Либерализация цен не была подкреплена земельной реформой. На рынке не оказалось ни жилья, ни средств производства, ни иностранных инвестиций. Промышленность осталась предельно монополизированной. Не было принято кардинальных решений для развития малого и среднего предпринимательства.

Вот почему экономика захлебывается в трудностях, мечется между полуконечно-экономическими и полуправительственными решениями.

Вот почему интересы человека с его болями, нуждами и надеждами остаются в стороне. Вот почему столь медленно прививается политическая культура.

Продолжающаяся перестройка, к сожалению, сводится к столкновению исполнительных и законодательных структур, частной и государственной собственности, центральных и региональных, партийных и государственных интересов.

Смириться с подобным ходом дел — значит дать дорогу хаотическому варианту развития. Что, собственно, и произошло после октября 1917 года. Тогда пришла новая тирания, еще более лютая и мракобесная. Неизмеримо усилились бюрократизация всего и вся, гнет и эксплуатация народа, не имеющие себе равных ни в мире, ни в нашей истории.

Задача высшего смысла — это насаждение ответственности социальных структур перед личностью, перед человеком. Ответственности и в системообразующем смысле, имея в виду демократию, право, отчетность и т. д. И в самом практическом, и непременно экономическом смысле: любой нанесенный гражданину ущерб должен возмещаться в полном объеме и безотлагательно. Лишь на этой основе свободный человек станет действительно уважаемым и

уважающим себя, обретет чувство достоинства.

(продолжение следует...)